

Герт Ловинк

Критическая теория интернета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43626196

*Критическая теория интернета: Ад Маргинем Пресс, Музей
современного искусства «Гараж»; Москва; 2019
ISBN 978-5-91103-498-6*

Аннотация

Медиа, возможно, и не определяют нашу ситуацию, как об этом в свое время провокативно писал Фридрих Киттлер, однако скорость их развития зачастую оставляет теорию в дураках. Работа голландского теоретика медиа Герта Ловинка – попытка осмыслить эту ситуацию, намертво уцепившись за практику медиа-активизма, которым Ловинк занимается уже четыре десятилетия.

В этом сборнике представлены критические работы последних пятнадцати лет, вышедшие в англоязычных изданиях «Zero Comments» (2007), «Networks without a Cause» (2012), «Social Media Abyss» (2016), а также совсем свежие тексты в ранней авторской редакции, которые впоследствии вошли в новый сборник эссе «Sad by Design» (2019). Они во многом перекликаются, хотя условно разделены на три блока: если первые пять текстов так или иначе вращаются вокруг вопроса о влиянии социальных медиа и смартфонов на саму природу социального, то вторая часть – также из пяти текстов – в большей степени

посвящена конкретным примерам цифровой повседневности: трансформации жанра комментария, субъективности эпохи селфи, цифровому детоксу, технике запросов. Последние три эссе – политико-теоретические интервенции, в которых Ловинк обсуждает формы социальной организации и политической практики, – те самые тактические медиа и организованные сети, а также вступает в полемику с другими актуальными концепциями медиа.

Содержание

Организованные сети против социальных медиа: теория и практика Герта Ловинка	6
Предисловие к русскому изданию. Общество социального	13
1. Что есть социальное в социальных медиа? (2012)	30
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Герт Ловинк

Критическая

теория интернета

© Geert Lovink, 2019

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2019

© Фонд развития и поддержки искусств «АЙРИС»/
IRIS Foundation, 2019

Организованные сети против социальных медиа: теория и практика Герта Ловинка

Медиа, возможно, и не определяют нашу ситуацию, как об этом в свое время провокативно писал Фридрих Киттлер, однако скорость их развития зачастую оставляет теорию в дураках. Работа голландского теоретика медиа Герта Ловинка – попытка осмыслить эту ситуацию, намертво уцепившись за практику медиа-активизма, которым Ловинк занимается уже четыре десятилетия: от экспериментов с пиратским радио и панк-зинами в начале 1980-х, сквозь оформление тактических медиа в 1990-е и к теориям и практикам амстердамского Института сетевых культур, который он возглавляет последние полтора десятилетия.

Из его автобиографии, как бы между делом пересказанной в текстах, мы в принципе узнаем об авторе все, что может потребоваться для продуктивной интерпретации его академическо-публицистических текстов. Родился в конце 1950-х в Голландии, юность провел где-то между Амстердамом и Берлином, жил со сквоттерами, варился внутри панк-сцены, занимался андеграунд-изданиями и пиратским радио (к слову, как и его будущий соавтор, итальянский философ-марксист Франко Берарди), общался с хакерами, рабо-

тал журналистом – и при этом оставался неутомимым исследователем новых медиа, независимым активистом с впечатляющим багажом толстых книжек в рюкзаке.

В середине 1990-х Ловинк был одним из инициаторов запуска nettime – независимой рассылки, которая сегодня является одним из ранних примеров сетевой критики, повлиявшей на множество аналогичных проектов, включая Rhizome. В те же годы он с коллегами по медиа-активизму придумывает и развивает концепцию тактических медиа – временных, подрывных интервенций в постепенно коммерциализирующееся медиа-пространство со своими проектами на пересечении теории, медиа-арта и политического активизма. После участия в ряде других проектов, включая авторитетный фестиваль новых медиа Ars Electronica, Ловинк получает Ph.D. в Австралии, где разрабатывает концепт организованных сетей – горизонтальных социальных и политических структур, протяженных и изменяющихся во времени и сохраняющих свой эмансипаторный потенциал внутри современного медиаландшафта. Уже после краха доткомов и на заре «социальной» фазы развития интернета – веб 2.0 – Ловинк основывает в Амстердаме Институт сетевых культур, продолжающий поднимать и исследовать вопросы альтернативных сетевых организаций и дизайна, пусть и в более институциональном ключе.

В этом сборнике представлены критические работы последних пятнадцати лет, вышедшие в англоязычных из-

даниях «Zero Comments» (2007), «Networks without a Cause» (2012), «Social Media Abyss» (2016), а также со всем свежие тексты в ранней авторской редакции, которые впоследствии вошли в новый сборник эссе «Sad by Design» (2019). Они во многом перекликаются, хотя условно разделены на три блока: если первые пять текстов так или иначе вращаются вокруг вопроса о влиянии социальных медиа и смартфонов на саму природу социального, то вторая часть – также из пяти текстов – в большей степени посвящена конкретным примерам цифровой повседневности: трансформации жанра комментария, субъективности эпохи селфи, цифровому детоксу, технике запросов. Последние три эссе – политико-теоретические интервенции, в которых Ловинк обсуждает формы социальной организации и политической практики, – те самые тактические медиа и организованные сети, а также вступает в полемику с другими актуальными концепциями медиа.

Когда-то популяризатор теории медиа Маршалл Маклюэн предупреждал, что медиа как расширения нервной системы человека не должны отдаваться на откуп теневым политическим игрокам, в первую очередь крупным и непрозрачным корпорациям, – слишком велика цена за потерю контроля над тем, что является частью твоей среды и тебя самого. Эта, в принципе, простая интуиция у Ловинка приобретает новые оттенки: ему интересно, как медиа – и в первую очередь интернет – ежесекундно и неуловимо проникают в

наши привычные социальные структуры и практики, деформируют их, вскрывая новый, часто подрывной потенциал, – а потом отходят на задний план, затвердевая, как очередная идеологическая формация, истоки которой уже успешно забыты. Он пытается вскрыть те политические и социальные практики и воображаемые (imaginaries), которые были в какой-то моменты вытеснены централизацией платформ типа Google и твитами Дональда Трампа. На этом пути он не столько подрывает традицию теории медиа, сколько заигрывает с ней, тут и там отыскивая возможности сцепить ее с другими интеллектуальными и критическими традициями: политэкономией, психоанализом, социологией культуры.

«Критическая теория интернета» – в конце концов, обманчивый заголовок. Да, эти эссе предлагают и критику, и теоретический фундамент, и работают с интернетом как объектом анализа, – но сочетается это все неожиданным образом. У Ловинка критика отказывается быть системной или четко нормативной, а скорее выстреливает интуициями и напоминаниями о том, что дизайн нашей медийной повседневности – не то, чем кажется, и он должен стать объектом новых политических интервенций. Его теория не стесняется перескакивать между мемами, невинными твитами, медицинскими диагнозами и литературой, переставая на этом пути быть теорией в привычном смысле – ее язык становится по-маклюэновски афористичным, однако остается куда более приземленным, чем, скажем, язык цифровой эстетики и

теории аффектов, которые также пытаются осмыслить замыкание нашей телесности и психики внутри аппарата цифровых медиа.

Интернет для Ловинка – с социальными медиа как его последними и самыми крупными эволюционными формами – не просто средство коммуникации с глобальными амбициями и специфическими, но сугубо коммуникативными проблемами; скорее это планетарная инфраструктура, которая достигла такой степени проникновения, что ее функции как интерфейса повседневности все труднее адекватно осмыслять. И тем не менее именно к этому Ловинк всех и приглашает: рассуждать об интернете одновременно в его невидимости и его самодостаточности, в его близости и его отчуждении, высвечивать самые банальные механизмы, которыми он переформатирует нашу повседневность и возможности политического действия – наплывами комментариев, информационной перегрузкой, нервными срывами, цифровым детоксом, селфи-палками и прекарным трудом производителей контента, чьи данные монетизируются вчерашними техноутопистами и сегодняшними акулами IT-бизнеса.

Теория медиа у Ловинка неизбежно смыкается с вопросами политической практики, с конструированием нового политического воображаемого, которое сегодня нельзя представить без собственного медийного аппарата. Социальные сети для него – это пространства технологий, и наоборот, а социальные медиа типа Facebook являются скорее успешны-

ми – по крайней мере пока – попытками колонизации и перверсии самой сетевой формы. Таким образом, вопрос прогрессивной политики автоматически сегодня становится вопросом медиа: как вернуть потенциал сетевой форме, как вывести политику за пределы апофеоза аналитики данных, в котором мы оказались застигнуты врасплох вместе с нашими девайсами и телами? Мы можем заняться активизмом в Facebook, но никакие радикальные перемены невозможны, если мы не перекодируем наше отношение с технологиями, если не перестанем быть простыми пользователями и потребителями контента. Именно поэтому для Ловинка так важен опыт тактических медиа в 1990-х и альтерглобалистских форумов в нулевые, когда политика становилась одновременно попыткой редизайна социальности через эксперименты с технологиями.

В российском контексте эти вопросы и проблемы приобретают новое звучание. С одной стороны, у нас не так очевидна корпоративная гегемония – более актуальны попытки поставить интернет под контроль государства на фоне скромного молчания индустрии. С другой стороны, критика Ловинка глубже, чем просто ворчание на властные институты. В своих эссе – особенно последних двух-трех лет – он занимается своего рода феноменологией и одновременно генеалогией цифровой повседневности: тем, как технологии воздействуют на наши привычки, на внимание, на отношение ко времени, телу и, в конечном счете, субъективности.

Делая предметом своего исследования интернет, Ловинк в итоге говорит о проблеме субъекта внутри цифрового капитализма и о самой возможности социальности, когда ее локусом оказывается смартфон. Эти проблемы актуальны в разных контекстах: проникновение смартфонов и интернета в России – давно свершившийся факт, и вопрос о том, как социальность и возможность организованного действия меняются и подстраиваются под потоки данных из приложений на смартфоне, в конечном итоге становится универсальной проблемой. Если же ее наложить на вопрос политической организации – еще одна *idée fixe* Ловинка – то мы получаем достаточно аналитического пространства, но не для ответов, а для новых вопросов. Это видно и по языку книги: Ловинк многие предложения заканчивает вопросительным знаком. Его теория слишком хорошо знает свои слабости, слишком давно знакома с успехами и провалами медиа-активизма, чтобы бомбардировать нас универсальными тезисами.

Дмитрий Лебедев

Предисловие к русскому изданию. Общество социального

Добро пожаловать в статус-кво. Наш любимый интернет можно описывать как «вывернутую наизнанку гидру с сотней задниц», но ладно уж, это всего лишь обычное уродство или, как говорил Дэвид Робертс, «куча раздражающих ментальных телодвижений, пытающихся напоминать идеи, союз ресентимента и нетерпимости, который приводит в движение эрозия привилегий белого человека». Нас не ждет референдум об «Интернексите». Интернет никуда не денется, и мы в нем застряли. Наши приложения толком не могут отметить нарастающее утомление и кажутся нам осенней тропой, о которой писал Кафка: едва став чистой, она через мгновение снова завалена листьями. Ни одна проблема не решена. Быстрый возврат к привычному ходу вещей после скандала с Cambridge Analytica в марте 2018 является в этом смысле показательным. Почему на горизонте до сих пор нет жизнеспособных альтернатив основным платформам? Как говорил Антонио Грамши, «старое уже умирает, а новое еще не может родиться; в этом междуцарствии возникает множество разнообразнейших патологий».

Непреодолимый соблазн свайпинга, апдейтов и лайков кажется сильнее, чем когда-либо. Когда мы говорим о пользо-

вателях как о жертвах Силиконовой долины, то это уже не звучит убедительно. «Колючая проволока остается невидимой», как однажды написал Евгений Морозов. Грозные силы, возникающие в наших лентах новостей, больше не производят на нас впечатления. На бумаге глобальные вызовы кажутся невероятными, но это никак не влияет на повседневные привычки. Вместо того чтобы взглянуть грозным силам прямо в глаза, мы теряем дар речи. Мы живем в крайне плоскую эру, когда нет ни героев, ни мифов. Мы устали в черный ящик и размышляем о бедности сегодняшнего внутреннего мира. Стоит ли считать повсеместное использование социальных медиа компенсацией за веберовское расколдовывание мира? Недовольство социальными медиа, может быть, и возрастает, но что указывает на то, что времена действительно меняются? Мы читаем лишь о моральном банкротстве Силиконовой долины: от манипуляций методами поведенческих наук до фейковых новостей и мегаприбылей.

У каждого своя причина избегать этих вопросов. Вслед за Славоем Жижекком можно заявить, что мы знаем, что социальные медиа – это зло, но все равно продолжаем их использовать. И пока корпорации в одночасье превращаются в Бегемотов со своей странной инфраструктурой и скрытым от глаз влиянием, наше понимание динамики подобных процессов плетется где-то позади. Этот разрыв – современная инкарнация того, что когда-то называлось «цифровым ба-

рьером». Мы, простые смертные, замечаем только явные политические проблемы и толком не понимаем, в чем состоит долгосрочный эффект таких невидимых изменений, как, например, переход искусственного интеллекта Google от принципа поиска к принципу рекомендации. Сегодня большинство людей в интернете общается через мобильные приложения, а не через браузер, и это наводит на размышления о том, что «смерть веба наступит не как драматичная утрата, а как постепенное угасание потребности в нем».

После того, как эффект новизны улетучился, а пользовательская база стабилизировалась, интернет-культура приближается к кризису среднего возраста. В отличие от тех, кто ностальгирует по 1990-м, мы не можем сказать, что она когда-либо переживала период счастливой молодости. Нет, это был брак в молодом возрасте, каковой до сих пор практикуется в большинстве незападных культур, – со всеми вытекающими ограничениями. Кто еще осмеливается говорить о «новых» медиа? Только невинные сторонние комментаторы иногда употребляют этот в прошлом многообещающий термин. Как осмыслить эту романтическую тоску по первым дням интернета, когда все придумывали виртуальную реальность, интерфейсы были кривоватыми, а вокруг творили пионеры нет-арта? Возможное объяснение мы находим у Клода Леви-Стросса: «Человек творит великие дела только в начале; истинную ценность имеет только первый шаг, все последующие действия полны нерешительности и сожалений, они

направлены лишь на то, чтобы пядь за пядью возвращать себе уже освоенную территорию»¹.

Я рад представить первую антологию своих работ на русском языке, которые были отобраны и переведены Дмитрием Лебедевым и Петром Торкановским. Эти эссе были написаны в период с 2006 по 2018 годы, когда использование интернета росло впечатляющими темпами. В этот период произошел переход от партиципаторной культуры веб 2.0 с ее блогами и онлайн-видео к эпохе монополий современных социальных платформ. В этих эссе я рассматриваю три ключевых понятия для моих исследований и активистских инициатив: медиа, сети и платформы. Каждый из этих терминов имел определяющее значение в определенное десятилетие. Если в 1980-х я занимался организацией альтернативных медиа, связанных с автономистскими социальными движениями, то, став теоретиком медиа, в начале 1990-х я оказался вовлечен в работу «ризоматических» компьютерных сетей, в которых искусство смешивалось с активизмом. Тогда я продвигал идею «интернет-критики» с главным двигателем в виде до сих пор действующей рассылки nettime. После защиты докторской диссертации по «критической интернет-культуре» в Мельбурне в 2002 мне представилась уникальная возможность создать собственный небольшой исследовательский центр – Институт сетевых культур в Ам-

¹ Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: ООО «Фирма „Издательство АСТ“», 1999. С. 535.

стердаме. После множества проектов по критическому изучению онлайн-видео, цифрового издательства, Википедии, биткойна и блокчейна вся эта работа вступила в неизбежное противоречие с трагической реальностью господства социальных платформ.

В первой части этого сборника рассматриваются социальные медиа в качестве доминирующего воплощения сегодняшней интернет-культуры, которая радикально отличается от HTML-страниц, списков рассылок, групп Usenet и «виртуальных сообществ» раннего интернета, но также и от блогов и Second Life, ставших ключевым феноменом короткого периода после кризиса доткомов. Как социальные медиа стали такой самоочевидной частью нашей повседневности? Как нам справляться с «запрограммированным отвлечением» и каковы долгосрочные последствия распространения «свободных» – в смысле бесплатных – сервисов для дизайнеров, художников, писателей и других производителей контента? Вторая часть посвящена изучению последствий использования определенных интерфейсов, протоколов и кодов, например, в архитектуре поисковиков; вопросам о том, как мы справляемся с информационной перегрузкой и какова культура комментариев в интернете (проявляющаяся сегодня в виде «троллинга» и «ураганов дерьма» (shitstorms)); также я рассматриваю наше противоречивое отношение к феномену селфи и более широкий вопрос о том, как подходить к вездесущей тенденции «картирования»

данных.

Активистские эссе в третьей и заключительной части были написаны до, во время и после массовых протестов 2011 года, когда надежда медленно сменилась отчаянием. Все эти эссе как методологически, так и тематически объединены общей критической перспективой и акцентом на спекулятивных понятиях, призванных продемонстрировать, что возможен иной интернет и иная интернет-культура. В этом свете особенно важны два концепта. Во-первых, это «тактические медиа», отсылающие к мультимедиаактивизму периода после падения Берлинской стены, который объединял уличные протесты, общественное телевидение, пиратское радио и перформанс. И во-вторых, это «организованные сети», или оргнетты.

Вернемся, тем не менее, в настоящее, о котором британский исследовательский центр Nesta пишет следующее: «С растущим осознанием темных сторон интернета нарастает и общественный запрос на более прозрачные, демократические и человечные альтернативы». Авторы честно признают, что бросить вызов существующей динамике сети будет непросто. «В отношении интернета господствуют два нарратива: американский, когда власть сосредоточена в руках небольшой группы крупных игроков, и китайский, где все вертится вокруг государственной слежки. Что остается гражданам в этом узком пространстве между крупными IT-корпорациями и государственным контролем?» Очевидно,

объявлять пользователей гражданами – это политический фрейминг, типичный в кругах НПО и «глобального гражданского общества». Но единственный ли это способ ускользнуть от идентичности потребителя? Nesta задает два больших вопроса: «Может ли Европа разработать такие альтернативы, где за штурвалом снова окажутся граждане? И вместо того чтобы пытаться создать свой собственный Google, возможно, Европе стоило бы сфокусироваться на развитии децентрализованной инфраструктуры, которая как раз препятствовала бы появлению нового Google?»

В «Futurability» Франко Берарди объявляет переломным моментом конец 1970-х, когда социальная ответственность и технологическая революционность двинулись разными путями. Именно тогда «мы вступили в эру технологического варварства, когда инновации начали способствовать прекарности, богатство – массовой нищете, солидарность превратилась в конкуренцию, соединенный мозг отделился от социального тела, а потенциал знания – от общественного благосостояния»². Как говорит Бернар Стиглер, скорость развития технологий продолжила возрастать, «значительно расширяя дистанцию между техническими системами и социальной организацией, как если бы между ними не был возможен компромисс и разрыв был неминуем»³. Для ано-

² *Berardi F. Futurability. The Age of Impotence and the Horizon of Possibility. London/New York: Verso, 2017. P. 172.*

³ *Stiegler B. Technics and Time, 2, Disorientation. Stanford: Stanford University*

нимной группы исследователей и активистов «The Invisible Committee» социальные медиа «ведут к реальной изоляции всех от всех. Они обездвиживают тело. Они удерживают всех внутри их пузыря означающих. Основная тактика кибернетической власти – это создание у людей иллюзии связи с целым миром, тогда как в реальности они все больше отделены друг от друга, иллюзии того что у них все больше „друзей“, хотя на деле они становятся все аутичнее» ⁴.

Определяющей чертой последних лет является совершенное непонимание того, что же нужно делать с социальными медиа. С одной стороны, Евгений Морозов пишет в Twitter, что он «не хочет отставки #Цукерберга»: «Нам не нужно #удалятьFacebook – это так же реалистично, как и #удалять-дороги. Нам нужен Новый курс для #данных. #Европа должна проснуться!» Одновременно набирает обороты движение за «право отсоединяться» ⁵. Возьмите в качестве примера офлайн-журнал Disconnect с аналитикой, художественной литературой и поэзией, который можно читать только тогда, когда отключен ваш Wi-Fi ⁶. Эта тактика также извест-

Press, 2009. P. 3.

⁴ The Invisible Committee. Now. South Pasadena: Semiotext(e), 2017. P. 48.

⁵ Для обзорного анализа этого движения см.: *Hesselberth P.* Discourses on dysconnectivity and the right to disconnect // *New Media & Society*. 2018. Vol. 20 (50). P. 1994–2019.

⁶ thedisconnect.co/: «Мы верим, что у вас должна быть возможность отключиться от интернета, не лишаясь при этом преимуществ, которые дает цифровая платформа. Заставляя вас в действительности отключить соединение, The Disconnect

на как «неиспользование технологии». Ранним предложением такого рода может служить работа Улиса Майаса 2013 года под названием «Off the Network, Disrupting the Digital World», где он призывает «пере-думать (unthink) сетевую логику»⁷. В *The Guardian* Саймон Паркин предлагает своим (онлайн-) читателям пособие о том, «как исчезнуть из интернета» и стать цифровым призраком. Он советует создавать фейковые аккаунты, неправильно направлять поисковики. По его мнению, просто удалять что-либо не имеет смысла. Вывод, однако, таков, что полностью исчезнуть не получится, так что заголовок статьи оказывается обманом. Все, что нам остается – это управлять репутацией и нанимать для этого специализированные компании, если, конечно, у нас есть на это деньги.

Что если уже поздно уходить из Facebook? Как пишет Натан Юргенсон, «для многих опыт социальных медиа является таким же разнообразным и многозначным, как и социальная жизнь в целом, ведь этот опыт и состоит из социальной жизни». Добро пожаловать «в реальный симулякр, где мы существуем, вне всякого сомнения, в среде полной подделки, в которой нет ничего реального... Вся эта игра рассчитана на то, чтобы люди продолжали верить, что си-

создает динамику, позволяющую наслаждаться цифровым контентом в том ритме, который вам подходит».

⁷ *Mejias U. Off the Network, Disrupting the Digital World. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013.*

стема работает и будет работать дальше»⁸. Давайте посмотрим правде в глаза: офлайн-овый Burning Man и онлайн-овый Facebook – это не противоположности, а прекрасно дополняющие друг друга проекты. Какую, в таком случае, «революционную странность» можно представить себе в свете расширения армии прекариата и списанных безработных? У этой разбросанной прибавочной армии пока нет своего лица, и, наверное, было бы неправильно пытаться снабдить ее (вернее, нас) какой-либо «идентичностью».

Здесь следует также дать скромный обзор состояния критики интернета. Как пишет Эндрю Кин в вышедшей в 2018 году книге «How to Fix the Future: Staying Human in the Digital Age», мир наконец-то начал перенимать его аргументы. Кина интересует вопрос о том, как вернуть контроль над технологиями. В конце концов, мы не просто какие-то пассажиры. Он требует, например, не защиты приватности, а чистоты в обращении с данными, что для многих должно прозвучать слишком буржуазно и евроцентристски. Баловство с данными должно прекратиться: «Слежка в конечном счете является не лучшей бизнес-моделью. И если история нас чему-то все-таки учит, – так это тому, что плохие бизнес-модели в итоге отмирают»⁹. Он перечисляет пять способов починить будущее от Джона Бортвика: «открытые платформы,

⁸ См.: www.zerohedge.com/news/2016-04-30/nothing-real-its-all-being-played-keep-people-believing-system-working

⁹ Keen A. How to Fix the Future. London: Atlantic Books, 2018. С. 192.

антимонопольное законодательство, ответственный дизайн с прицелом на нужды человека, сохранение публичного пространства и новая система социального страхования»¹⁰.

Критики интернета пока так и не смогли выйти из тени «старых медиа» и оказались в маргинальном положении частных экспертов и колумнистов, которое не позволяет им включиться в более широкие дебаты о необходимых изменениях. Несмотря на то, что академические исследователи, подчиняясь логике рейтинговой системы, публикуются в закрытых рецензируемых журналах, что ограничивает их влияние, им все равно удастся собирать ценные свидетельства экономической мощи социальных медиаплатформ. Неакадемическая же критика технологий тем временем остается разбросанной, она не способна породить свою школу мысли и институционализировать собственную практику.

С недавних пор мы можем наблюдать приближение пика данных. Как и в случае с пиком нефти, это гипотетическая точка, в которой извлечение данных достигнет своего максимума. Даже если эксперты будут утверждать обратное, шума вокруг «больших данных» достигла своего пика. Еще в 2015 году фирма Gartner исключила большие данные из своего знаменитого цикла хайпа¹¹. Пик данных – это тот

¹⁰ Ibid. P. 41.

¹¹ График, созданный консалтинговой компанией Gartner в середине 1990-х, отображает интерес общественности и рынка к определенной технологии на разных этапах ее развития.

момент, когда гиганты интернет-индустрии уже знают о тебе все, и какие-то дополнительные детали нарушат хрупкий баланс и приведут к коллапсу всего политэкономического режима, основанного на данных. После такого поворотного пункта каждая новая частица данных делает весь архив менее – а не более – ценным, с чем, конечно, не согласятся сторонники вечного роста. И затем добавленная стоимость новых данных начинает снижаться и стремится к нулю, пока не появится реальный риск «загрязнения» и разрушения существующих массивов полезной информации.

Пик данных – момент, когда платформы начинают принимать меры. Так, в Google объявили, что следующая версия Android «вместо того чтобы демонстрировать все возможности операционной системы и стимулировать использовать свой смартфон чаще и больше, будет обладать свойствами, которые помогут пользоваться им меньше и реже»¹². Специальная программа будет сообщать «как часто, когда и сколько времени вы используете каждое приложение на своем смартфоне. У вас также будет возможность устанавливать себе ограничения». Например, панель управления Fitbit – приложения для последователей движения *quantified self*¹³ – может соединяться с приложениями социальных ме-

¹² *Bohn D.* Google's Most Ambitious Update in Years // *The Verge*. 8 мая, 2018. www.theverge.com/2018/5/8/17327302/android-p-update-new-features-changes-video-google-io-2018. Спасибо Майклу Дитеру за вклад в это исследование.

¹³ Лайфстайл-тренд, заключающийся в использовании носимых девайсов и

диа, позволяя легко отключать уведомления. Когда наступит время идти спать, ваш телефон автоматически перейдет в режим «Не беспокоить».

В случае с Google Search мы видим тенденцию «показывать более полезную рекламу». Похожий апдейт для приложения YouTube включает в настройках опцию, благодаря которой оно будет напоминать пользователям «сделать паузу» во время просмотра видео ¹⁴. Слоган параллельной wellbeing-кампании Google гласит: «Великие технологии должны делать жизнь лучше, а не отвлекать от нее» ¹⁵. Какие ценности приобретают значение, когда мы поднимаемся на новую ступень развития? Улучшение многозадачности? Замедлит ли Google в своих продуктах коммуникацию в реальном времени, чтобы встроить в них опцию рефлексии? Что если улучшение может быть достигнуто лишь в результате протеста против убийственной культуры консенсуса? Почему вдруг технологии должны помогать нам от них же отключиться?

Из-за надвигающейся опасности энтропии сбор данных больше не является самоцелью. С точки зрения пользователей, их данные – это не результат осознанного труда. Сбор данных выглядит произвольной процедурой, а их безгранич-

приложений для получения и анализа данных о своем состоянии, в первую очередь физическом. См.: ru.wikipedia.org/wiki/Quantified_self

¹⁴ См.: www.androidauthority.com/youtube-take-a-break-864783/

¹⁵ См.: wellbeing.google/

ный объем перестал быть дефицитным ресурсом. Важным следующим шагом может стать извлечение ценности из собранных данных таким образом, чтобы не огорчить при этом пользователей. Такой план спасения больших данных предлагается пользователю в качестве вклада в его «цифровое благополучие» – жеста «корпоративной ответственности». Мы можем назвать это «backlash by design» – когда Google уже на стадии дизайна и программирования предвосхищает любое возможное недовольство и в духе фильма «Особое мнение» перепрыгивает фазу сопротивления в движении навстречу гегельянскому синтезу. Мы преодолели культуру присвоения. Силиконовая долина уже в курсе, что мы не против отдохнуть. Как пользователи отреагируют на такой встроенный морализм всех этих изменений? На подобные благодетельные жесты мы могли бы ответить коллективной реализацией принципов «предотвращения сбора данных».

Составленный из данных фантом нашего Я рискует распасться. Энтропия – это главная угроза, которую приносит автоматизация. Система производит такое количество данных, что либо каждый будет под подозрением, либо никто. Производство информации, некогда определявшееся как создание осмысленных различий, достигло того состояния, когда оно делает кувырок и стремится к нулю – перегрузке системы. Компании типа Google в курсе опасностей, которые таят в себе такие резкие гегельянские скачки, и они пытаются спасти свои ценные активы данных, пока те не

превратились в цифровой мусор ¹⁶. Надо также отметить, что изменение политики в Google не стало результатом популярных выступлений против «социального истощения», вызванного передачей контроля умным машинам. В новой версии Android функционал отслеживания остался нетронутым. Google просто планирует собирать меньше данных – для своего собственного благополучия.

Переиначивая Хабермаса, мы можем говорить о «незаконченном проекте» дигитализации как последней стадии модернизации, которую воцарившаяся после 1968 года образованная элита попросту слила, думая, что появившиеся в результате инженерной активности устройства и инструменты никак их не коснутся. И хотя мы можем изучать кино, театр и литературу, с «интернетом» все по-другому – ему никак не удавалось стать предметом отдельной академической дисциплины со своими полноценными бакалаврскими, магистерскими и аспирантскими программами. Все это сопровождалось частыми замечаниями, что интернет «еще молод», и его использует «еще недостаточное количество людей». Где наш «конфликт факультетов?» По всему миру никто не планирует или просто не хочет сделать смелый шаг. В результате мы имеем культурное господство разработчиков из числа «белых мужчин-гиков» и потенциальных вен-

¹⁶ Этот фрагмент вдохновлен последними исследованиями Бернара Стиглера и является ответом на них. См.: *Siegler B. Automatic Society. Vol. 1: The Future of Work. Cambridge: Polity Press, 2016. P. 6–18.*

чурных капиталистов из бизнес-школ, бесконечно копирующих бизнес-модели Силиконовой долины, – а представители социальных и гуманитарных наук, искусства и дизайна остаются где-то в стороне. Фактически программы в области медиаискусства потихоньку сворачиваются и становятся частью беззубых и замкнутых на себе академических инициатив типа *digital humanities* – или же подчиняются «транслирующей» логике отделений медиа и коммуникаций.

Итальянская коллега, арабистка и активистка Донателла делла Ратта, читающая лекции о цифровой культуре в Университете Джона Кэбота в Риме, добавляет, что «онлайн-субъект сегодня настолько вовлечен в технологии, что больше не замечает ни телефон, ни интернет. Молодое поколение не интересуется техническое устройство само по себе, они просто стерли информацию о нем, забыли о его существовании. Моим студентам скучно, когда я говорю о технологиях как таковых. Они хотят обсуждать свои переживания, тела и эмоции. Они попросту больше не замечают технологии». Каковы будут последствия такого «технологического утомления», так быстро распространяющегося ровно в тот самый момент, когда противоречия вокруг этих технологий наконец достигли политической арены?

«Надо знать, на что подписываться, и уже затем давать обязательства – даже если этим придется нажать врагов. Или друзей. Как только мы знаем, чего хотим, мы уже не одиноки, мир заново заселяется. Везде есть союзники, единомыш-

ленники и бесконечные оттенки возможной дружбы». Можно сравнить эту «децизионистскую» мечту «The Invisible Committee» с наблюдениями Марка Фишера об отсутствии мотивации у студентов и нехватке возможности взыскания в том случае, если они отсутствуют или не успевают. По словам Фишера, «студенты обычно реагируют на такую свободу не работой над проектами, а гедонистическим – или агедонистским – утомлением: легкие наркотики, Playstation, просмотр ТВ по ночам и марихуана». Столкнувшись с информационной перегрузкой, миллениалы оказываются «слишком самоуверенными», вежливо отказываются от возможности «узнать больше» и привязываются к «более важным» вещам. Понятие «социального внутреннего» перестает быть парадоксальным.

Политическая необходимость требует отказаться от техно-солюционистских предложений и стать частью более широкого контекста. Несмотря на всю его саморефлексию, Марк Фишер предлагает актуальный для нас слоган: «пессимизм эмоциям, оптимизм – действиям»¹⁷. Или, как сказал Ноам Хомский, «Мы можем много сделать, чтобы, говоря словами Мартина Лютера Кинга, повернуть ход истории в сторону справедливости. Проще всего отчаяться и таким образом обеспечить наступление худшего. Разумный и смелый путь – это присоединиться к тем, кто пытается сделать мир лучше, используя все свои обширные возможности».

¹⁷ Fisher M. Optimism of the Act: www.k-punk.org/optimism-of-the-act

1. Что есть социальное в социальных медиа? (2012)

ЗАГОЛОВКИ НЕ ДЛЯ ВСЕХ:

«В следующий раз, когда будете нанимать сотрудника, забудьте о личностных тестах – лучше обратите внимание на профиль кандидата в Facebook»

«Стефани Уатанабе потратила почти четыре часа ночью в четверг, для того чтобы удалить из своих френдов в Facebook 700 человек – и она еще не закончила»

«Извинения в Facebook или тюремный срок: мужчина из Огайо поставлен перед выбором»

«Исследование: Пользователи Facebook становятся менее дружелюбными»

«Женщины испытывают более сильные чувства к людям, у которых есть доступ к их личной информации» (Мэри Мэдден)

«Весь разодет, а пойти некуда» (Wall Street Journal)

«Я прилагаю больше усилий, чтобы вести социальную жизнь, потому что я не хочу быть одна и хочу знакомиться с людьми» (Синди Шерман)

«30 % обновлений статусов в Facebook соответствовали критериям Американской

Психиатрической Ассоциации как симптомы депрессии; в них шла речь о чувстве безнадежности или собственной никчемности, бессоннице или пересыпании и проблемах с концентрацией»

«Охота на берлинского полицейского, отдающего нацистское приветствие на фотографии в Facebook»

«15-летняя девочка использует Facebook для жалоб и ругательств в адрес своих родителей. Разъяренный отец уничтожает ее ноутбук выстрелом из ружья»

Использование термина «социальный» в контексте IT отсылает нас к эпохе возникновения кибернетики. Тогда в социологии была открыта сфера исследований под названием «социокибернетика» – она была создана для изучения «сетей социальных сил, оказывающих влияние на человеческое поведение», способных оптимизировать или модифицировать существующие информационные системы¹⁸. Когда «социальное» снова всплыло, то софт уже всюду производился, – это было в эпоху расцвета «groupware» (программного обеспечения для совместного решения общих задач), которая пришлась на 1980-е¹⁹. Тогда же Фридрих Киттлер, представитель материалистской школы немецкой теории медиа, отказался от использования слова «социальное» как от неадекватной глупости (компьютеры выполняют расчеты, они не вмешиваются в человеческие отношения, так

¹⁸ См.: en.wikipedia.org/wiki/Sociocybernetics

¹⁹ См.: en.wikipedia.org/wiki/Collaborative_software

что мы должны прекратить проецировать наши мирские человеческие желания на электронные схемы и т. д.)²⁰. Тем временем возвращенные журналом *Wired* холистические хиппи игнорировали такое циничное машинное знание из Старого Света, противопоставляя ему позитивный гуманистический подход, который состоял в поклонении компьютеру как устройству для освобождения личности – эта идея впоследствии была превращена Стивом Джобсом в дизайнерский принцип и маркетинговый механизм. Перед бумом доткомов, когда во второй половине 1990-х венчурный капитал захватил сферу IT, прогрессивное программирование заключалось преимущественно в производстве инструментов и фокусировалось на сотрудничестве между двумя и более людьми – не для «шеринга», но для решения конкретных задач. «Социальное» в этом контексте означало взаимообмен между изолированными узлами. Отчасти из-за своих «альтернативных» корней калифорнийский индивидуалистический акцент на крутом дизайне интерфейсов и юзабилити всегда дополнялся инвестициями «сообщества» в сети. Но это калифорнийское «социальное» означает только шеринг между пользователями. Оно и рядом не стоит с такими понятиями, как «коллективная собственность» или «общественное благо».

²⁰ Цит. по черновику главы «How computer networks became social» из *Chesher Ch., Crawford K., Dunn A. Internet Transformations: Language, Technology, Media and Power* (публикация Palgrave Macmillan, 2015 – отменена).

Вообще, компьютеры всегда были гибридами социально-го и постчеловеческого. С самого начала их индустриальной жизни в качестве гигантских калькуляторов соединение различных технических единиц рассматривалось и как возможность, и как необходимость ²¹. В своем никогда не опубликованном эссе «Как компьютерные сети стали социальными» теоретик медиа из Сиднея Крис Чешер набрасывает карту исторического и междисциплинарного развития – от социометрии и социального анализа сетей (уходящего корнями в 1930-е) через работу Грановеттера о «слабых связях» 1973-го к «Сетевому обществу» Кастельса (1996) и нынешним попыткам исследователей STS ²², собравшихся под эгидой акторно-сетевой теории, создать офлайн-науку, изучающую динамику человеческих сетей. Наиболее важным концептуальным прорывом здесь стал переход от групп, списков, форумов и сообществ к наделению полномочиями не слишком тесно связанных между собой индивидов в сетях. Этот сдвиг начался еще в неолиберальные 1990-е благодаря, в том числе, растущим вычислительным мощностям, объемам хранилищ и широкополосному доступу в интернет. Этому сопутствовало упрощение интерфейсов на постоянно уменьшаю-

²¹ Мало кто знает, что уже в 1953 году два компьютера, расположенные в разных местах, могли «общаться» между собой посредством модема.

²² Science and Technology Studies – активно развивающаяся область исследований в гуманитарных науках, рассматривающая вопросы взаимоотношений науки и технологий и общества методами социологии, философии, антропологии и истории. – Примеч. пер.

щихся (мобильных) устройствах. В этот момент мы вошли в Империю Социального.

Если мы хотим ответить на вопрос, что на самом деле сегодня означает «социальное» в словосочетании «социальные медиа», то отправной точкой может стать исчезновение социальности как таковой, описанное французским социологом Жаном Бодрийяром, который концептуализировал переход от субъекта к потребителю. Согласно Бодрийяру, в какой-то момент социальное утратило свою историческую роль и схлопнулось до медиа. Если социальность – это больше не гремучая смесь из политизированных пролетариев, разочарованных безработных и грязных клошаров, ошивающихся на улицах в ожидании следующего шанса организовать переворот под какими бы то ни было знаменами, то как социальные элементы заявляют о себе в эпоху цифровых сетей?

Социальный вопрос, возможно, не решен, но на Западе уже на протяжении десятилетий он кажется нейтрализованным. В послевоенный период инструментальное знание о том, как управлять социальным, было настолько необходимо, что полномочия размышлять о социальном в интеллектуальном и техническом смысле были делегированы чему-то вроде закрытого круга экспертов. Сегодня, в разгар экономического спада, можем ли мы наблюдать возвращение или даже Ренессанс социального? Или все эти разговоры о подъеме «социальных медиа» – всего лишь лингвистическое сов-

падение? Можем ли мы говорить – на фоне бесконечного эха экономического кризиса 2008 года – о росте классового сознания, и если да, то распространяется ли это на электронную среду? Несмотря на невзгоды безработицы, растущую разницу в доходах и достижения протестов Оккупай²³, быстро набирающее масштаб глобальное сетевое восстание кажется маловероятным. Протесты успешны настолько, насколько они локальны, вне зависимости от их присутствия в сети. Мемы разлетаются со скоростью света и разносят базовые концепты. Но как в глобальном контексте столь разные вещи как работа, культура, политика и сетевая коммуникация могут быть связаны таким образом, чтобы информация (например, через Twitter) и межличностная коммуникация (электронная почта, Facebook) действительно влияли на реальную организацию мировых событий?

Здесь мы должны переосмыслить представление о социальном, чтобы представить его в стратегическом контексте, более широком, чем тот, который предполагает типичный «вопрос социальных медиа». Может быть, все эти очень тщательно организованные контакты и телефонные книжки в какой-то момент переполняют виртуальную реальность и хлынут в реальный мир, на что, похоже, и намекает растущая

²³ «Захвати Уолл-стрит» – Occupy Wall-street – глобальная серия антикапиталистических протестов, начавшаяся в Нью-Йорке в 2011-м. Ловинк делает множество ссылок на это движение, не только на его нью-йоркский вариант, и в тексте мы использовали транслитерацию Осциру вместо менее, на наш взгляд, удачного аналога и прямого перевода «Захвати». – Примеч. пер.

популярность сайтов знакомств. Мы делимся информацией, опытом и эмоциями только ради их зеркального отражения? Или, как «социальные рои» (social swarms), еще и объединяем наши усилия, чтобы вторгнуться в реальность и создавать так называемые «реальные» события? Превратятся ли контакты в камрадов? Очевидно, что социальные медиа решили часть организационных проблем социального, с которыми поколение субурбанизированных беби-бумеров столкнулось 50 лет назад: якобы победили скуку, изоляцию, депрессию и желание. Как мы можем сойтись вместе, по-разному, прямо сейчас? Боимся ли мы или же ждем бессознательно того дня, когда наша жизненно важная инфраструктура развалится и нам действительно понадобится помощь друг друга? Или нужно воспринимать Симулякр Социального как организованную агонию – как результат столкновения с фактом утраты сообщества после фрагментации семьи, брака, дружбы и так далее? Какое иное разумное объяснение можно дать этим вечно растущим коллекциям контактов? Будет ли Другой, переименованный в «друга», чем-то большим, чем просто будущим потребителем или «спасителем» наших бизнес-процессов в эпоху прекариата? Какие новые формы социального воображаемого уже существуют? И, с другой стороны, должно ли одиночество как ответ на ежедневное давление со стороны «социального» продвигаться как Kulturideal, что предполагали Ницше и Айн Рэнд ²⁴?

²⁴ Ницше: «Я удаляюсь в одиночестве, так как не хочу пить из общего колодца.

В какой момент наше управление другими превращается в нечто совершенно иное? Исчезнет ли добавление в друзья за одну ночь, как множество других практик, связанных с новыми медиа и испарившихся в цифровой нирване, – где сегодня форумы Usenet, логины для доступа к серверам telnet или наше некогда популярное HTML-кодирование веб-сайтов?

Обобщающее понятие «социальный интернет» (social Web) когда-то описывало разномастный набор сайтов от MySpace, Digg, YouTube, Flickr до Википедии. Чуть позже это понятие было расширено и включило в себя целый спектр софта и устройств (не только ПК и ноутбуков), после чего трансформировалось в «социальные медиа». В этом новом проекте было мало ностальгического – никакого возрождения когда-то опасного потенциала «социального», всплывающего образа разъяренной толпы, которая требовала бы положить конец экономическому неравенству. Вместо этого, в терминологии Бодрийяра, социальное было реанимировано только как симулякр его способности создавать значимые и продолжительные социальные отношения. Витая в глобальных виртуальных сетях, мы верим, что все меньше и меньше придерживаемся наших ролей в традици-

Когда я среди других, то я живу, как они, и не мыслю о том, что я действительно мыслю. Через некоторое время начинает казаться, что они хотят изгнать мое я из меня самого и украсть мою душу». Пер. по: Nietzsche Daybreak: Thoughts on the Prejudices of Morality / Ed. M. Clark, B. Leiter, trans. R. J. Hollingdale. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 491.

онных сообществах, таких как семья, церковь, политическая партия, профсоюз и сообщество соседей. Исторические, наделенные определенными правами субъекты, которых описывали в таких терминах, как «горожане» или «представители класса», были превращены в субъектов с агентностью: в энергичных акторов, которых мы называем «пользователями», в потребителей, которые постоянно на что-то жалуются, в просьюмеров. Социальное уже даже не отсылает нас к обществу, и эта мысль не дает покоя теоретикам и критикам, чьи эмпирические исследования подтверждают, что люди, несмотря на их поведение на публике, остаются довольно глубоко встроены в определенные культурные, локальные и особенно иерархические структуры. Лишившееся всех метафизических ценностей, социальное становится заменителем чего-то похожего на коллектив, останками неолиберального разрушения «общества», расхлябанным набором «слабых связей». Как концептуально ему недостает как религиозного подтекста терминов типа «сообщество», так и ретроактивных антропологических коннотаций «племени». Используя маркетинговую терминологию, современное «социальное» – это просто что-то техническое и условно «открытое» – пространство между тобой, мной и нашими друзьями.

Соответственно, социальное больше не проявляется в первую очередь в виде класса, общественного движения или толпы и не институционализирует себя, как это происходило в послевоенную эпоху государства всеобщего благососто-

нения. Даже постмодернистская стадия дезинтеграции и распада кажется уже пройденной. Сегодня социальное заявляет о себе в сетевой форме. Его практики вырываются за рамки институций XX века, что ведет к коррозии конформности. Сеть становится настоящей формой социального. Что сегодня имеет значение, например, в политике и бизнесе – так это «социальные факты», представленные через анализ сетей и соответствующую визуализацию данных. Институциональная часть жизни кристаллизуется как совершенно другая проблема, как банально исчезающая база данных о жизни общества, которая быстро отходит на задний план дискуссий, в какой-то далекий мир забот. В данной ситуации заманчиво продолжать мыслить в позитивном ключе и настаивать на дальнейшем синтезе между формализованными властными структурами внутри институций и растущим влиянием неформальных сетей. Но существует мало доказательств того, что этот милый Третий Путь ²⁵ полезен и реалистичен. Продвигаемая PR-фокусами вера в то, что социальные медиа однажды будут интегрированы в функциональные институции и инфраструктуры, может оказаться ничем иным, как ньюэйджевским оптимизмом в эпоху растущего напряжения вокруг скудных ресурсов. В условиях этого напря-

²⁵ Концепция социального, политического и экономического развития, сформулированная, в первую очередь, социологами Ульрихом Беком и Энтони Гидденсом, предусматривающая выход за пределы разделения на правый и левый блоки в ситуации победы либеральной демократии и развития глобальной рыночной экономики. – Примеч. пер.

жения социальное представляется эдаким суперклеем, который может либо восстановить и заретушировать исторический урон, либо быстро превратиться во взрывчатое вещество. Полностью же избавиться от риска социального взрыва невозможно даже в авторитарных странах. Но игнорирование социальных медиа как какого-то шума на заднем плане тоже может выйти боком. Вот почему институты – от больниц до университетов – нанимают орды временных консультантов, чтобы вести аккаунты в социальных медиа.

Социальные медиа реализуют коммуникацию как обмен: вместо запрета на ответы они требуют ответов или хотя бы технической взаимности. Подобно тому, как Бодрийяр окрестил более ранние формы медиа, современные сети – это «пространства взаимосвязи слова и ответа»²⁶, которые заманивают пользователей, чтобы те сказали что-либо, что угодно. Позднее Бодрийяр изменил свое мнение и отказался от веры в эмансипаторный аспект пререкания с медиа. Восстановление символического обмена не принесло пользы – и все же именно эту функцию социальные медиа пытаются представить своим пользователям как жест освобождения. Для позднего Бодрийяра значение имела главенствующая позиция молчаливого большинства.

В своем эссе 2012 года «Декларация» Майкл Хардт и Ан-

²⁶ Бодрийяр Ж. Реквием по массмедиа. Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. sociologos.net/textes/baudrillard.htm

тонио Негри уходят от обсуждения крупных социальных измерений, таких как сообщество, сплоченность и общество. Они рассуждают о бессознательном рабстве: «Люди иногда борются за возможность служить, как будто в этом кроется их спасение». В социальных медиа их в первую очередь интересует вопрос прав личности, а не социальное в целом: «Возможно ли, что в рамках добровольной коммуникации и самовыражения, в своей практике блоггинга и использования социальных медиа люди поддерживают, а не оспаривают действия репрессивных сил?» Для нас, медиатизированных, работа и досуг больше не могут быть разделены. Но почему Хардт и Негри не проявили интереса к очевидному факту, что в постоянном соединении с другими существует и позитивная сторона?

Хардт и Негри совершают ошибку, сводя социальный нетворкинг к вопросу медиа, как если бы интернет и смартфоны использовались только для поиска информации. Относительно роли коммуникации они заключают: «Ничто не может превзойти совместное присутствие тел и телесную коммуникацию, являющуюся основой коллективного политического интеллекта и действия»²⁷. Связи, формирующиеся в социальных медиа, здесь не что иное, как халтурка, мир сладкой ерунды. В этой ситуации истинная природа медиатизированной социальной жизни остается вне поля зре-

²⁷ Все цитаты Майкла Хардта и Антонио Негри приводятся по эссе Declaration. New York: Argo-Navis, 2012. P. 18–21.

ния, а значит и неизученной. Встреча социального и медиа не должна подаваться как какой-то гегельянский синтез, как траектория, по которой неизбежно движется Мировая История; и тем не менее мощная, но абстрактная концентрация социальной активности на современных платформах требует глубокого теоретического изучения. Безнадежный призыв Хардта и Негри к отказу от медиации не решает проблему. Как они сами говорят, «нам нужны новые истины, которые будут созданы связанными в сети, коммуницирующими и реально присутствующими сингулярностями». Нам нужен и нетворкинг, и лагерь. В их версии социального «мы роимся, как насекомые» и действуем как «децентрализованное множество сингулярностей, которое коммуницирует горизонтально»²⁸. Но нам еще только предстоит обратиться к реальным структурам власти и напряжению, исходящему от них – или сопутствующему им.

Когда мы сосуществуем с социальным онлайн, изучение релевантных мест в европейской социальной теории XIX века кажется смелым, но в конечном счете непродуктивным занятием. Именно это делает дискуссию в Facebook о прекарном труде, Марксе и эксплуатации такой двусмысленной²⁹.

²⁸ Ibid. P. 35 (обе цитаты).

²⁹ См. переписку по теме «The \$100bn Facebook question: will capitalism survive „value abundance“?» в рассылке nettime за март 2012 года. Брайан Холмс пишет в разных постах: «В современном дискурсе о веб 2.0 более всего ограничивает употребление марксистской категории эксплуатации в строгом смысле, то есть когда твой труд отчуждается для производства продукта, а взамен ты получаешь

Взамен нам стоило бы принять процесс социализации таким, какой он есть, и воздержаться от его политизации (например, не стоит преувеличивать значимость Facebook в связи с событиями Арабской весны 2011 года и «движением площадей»³⁰). Социальные медиа оказывают на мир почти неразличимое, неформальное, косвенное влияние. Как нам понять этот находящийся за гранью добра и зла социальный поворот в новых медиа в его холодной отстраненности и в

менювую стоимость». «Меня уже много лет беспокоит то, как люди отказываются серьезно рассуждать и просто ссылаются на работы главного европейского политического философа – Карла Маркса. В этом случае утверждается, что социальные медиа эксплуатируют тебя, что игра – это труд, и что Facebook есть не что иное, как новая Ford Motor Co.»; «Что-то подобное описывает понятие „аппарат захвата“, введенное Делезом и Гваттари и развитое в истинном политэкономическом смысле итальянскими автономистами и группой авторов парижского журнала *Multitudes*, однако здесь не используется понятие „эксплуатации“»; «Социальные медиа не эксплуатируют тебя в том смысле, в котором тебя эксплуатирует твой начальник. Они несомненно продают информацию (о том, как ты, твои друзья и другие комментаторы реализуют свои природные способности и желания) отвратительным корпорациям, пытающимся завладеть твоим вниманием, подчинить твоё поведение и так или иначе прибрать к рукам твои деньги. В этом смысле социальные медиа действительно пытаются контролировать тебя, а ты производишь для них дополнительную стоимость. Но это еще не конец истории, потому что ты тоже делаешь что-то с ними, производишь что-то свое. В теориях о сращении игры и труда (*playbour*) меня смущает то, что они отказываются признавать, что мы, будучи эксплуатируемыми и подконтрольными, переполнены потенциально автономной продуктивной энергией. Отказ от размышлений на эту тему – в первую очередь распространенный среди левых, к сожалению, – оставляет весь этот автономный потенциал неисследованным и частично нереализованным».

³⁰ Термин, применяющийся для описания протестных движений 2011 года формата Оссуру. – *Примеч. пер.*

то же время интимной близости, как описала это поле израильская исследовательница-социолог Ева Иллуз в книге «Охлажденная интимность» («Cold Intimacies»³¹)? Литература, посвященная медиаиндустрии и IT, чаще всего уходит от сложности и многоплановости этих вопросов. Достоинства социальных медиа, такие как доступность и удобство пользования, сами по себе мало что говорят о том, что именно люди ищут там, в сети. Точно также ограничены и профессиональные неолиберальные дискурсы о доверии, которые пытаются связать новую неформальность со все более легалистской логикой правил и регуляций.

Несмотря на то, что социология как исследовательская дисциплина все еще с нами, вышеописанная «облитерация социального» повлияла на преуменьшение важности социальной теории в дискуссии, посвященной критике интернета. В противовес этой тенденции веб-социология, освобождая себя от дихотомии «реальное-виртуальное» и отказываясь от сужения исследовательского поля до «социальных импликаций развития технологий» (например, до исследования интернет-зависимости), может сыграть ключевую роль в исследовании того, как сегодня (более, чем когда-либо) переплетены классовый анализ и медиатизация. Как написала мне по этому поводу Ева Иллуз: «Если традиционно социология взывала к нашей проницательности и

³¹ Illouz E. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity, 2007.

бдительности в искусстве проводить различия (между потребительской стоимостью и меновой стоимостью, жизненным миром и колонизацией жизненного мира ³² и т. д.), то вызов, который сегодня лежит перед нами, – это упражнение в той же бдительности в социальном мире, который раз за разом разрушает эти различия» ³³. Амстердамский пионер веб-социологии, редактор SocioSite Альберт Бенсхоп предлагает в целом преодолеть различие между реальным и виртуальным. Адаптируя классическую в социологии теорему Томаса, Бенсхоп заявляет: «Если люди определяют сети как реальные, они реальны в их последствиях». Другими словами, для Бенсхопа интернет – это не просто какой-то второсортный мир. Его материализованная виртуальность оказывает воздействие на нашу реальность. То же самое применимо и к социальному. Не существует второй жизни с альтернативными социальными нормами и обычаями. Согласно Бенсхопу, поэтому же нет, строго говоря, необходимости в создании какой-то дополнительной дисциплины ³⁴. Вопрос о форме социального затрагивает всех нас, он не должен обсуждаться – и присваиваться – только группой гиков и стартап-предпринимателей.

Здесь мы сталкиваемся с главным отличием старой системы медиа, основанной на технологии вещания, от совре-

³² Отсылка к Хабермасу. – Примеч. пер.

³³ Личная переписка, 5 марта 2012.

³⁴ *Benschop A. Virtual Communities: www.sociosite.org*

менной парадигмы социальных сетей. Социальные медиа избавились от «людей-кураторов», работавших в «старых медиа», и взамен потребовали от нас постоянного вовлечения посредством кликов. Но машины не создадут для нас жизненно важных связей, сколько бы мыслей и аффектов мы им ни делегировали и вне зависимости от наших попыток раздуть социальный капитал. Мы переключаемся в состояние «интерпассивности», о котором пишут, например, Пфаллер, Жижек и ван Ойнен³⁵. Но этот концепт все еще остается преимущественно дескриптивным и не применимым для анализа. Он не может поставить под вопрос существующие архитектуры и культуры использования социальных медиа. Дальнейшая критика этих аспектов обусловлена не только подавленной романтической офлайн-сентиментальностью. Люди вполне правомерно испытывают ощущение перегрузки, причем не просто информацией вообще, но и конкретно информацией о жизни других людей, – в той степени, в какой этого требует идея обязательной регистрации в партиципаторных медиа. Нам всем время от времени нужен антракт в этом социальном цирке (хотя кто может себе позволить бесконечно обрывать связи?).

Определение «персонального» по отношению к «социальному» соответствующим образом перерабатывается. «Соци-

³⁵ См.: Pfaller R. *Ästhetik der Interpassivität*. Hamburg: Plilo Fine Arts, 2008 (на немецком) и Oenen G. van. *Nu even niet! Over de interpassieve samenleving*. Amsterdam: van Genneep, 2011 (на голландском).

альное» в социальных медиа требует от нас восприятия нашей личной истории как чего-то, с чем мы смирились и что преодолели ради участия в социальной жизни в интернете (подумайте о семейных связях, соседях в деревне или в пригороде, школе и колледже, коллегам по работе и знакомых по церкви); в то же время предполагается, что в рамках сегодняшних исторических форм «Я» мы должны проявлять гордость и представлять себя в лучшем свете – и иногда даже любить кичиться собой. Социальный нетворкинг проживается в формате актуальной потенциальности: я мог бы связаться с тем или иным человеком (но я не буду). С этого момента я буду рассказывать о том, какой бренд предпочитаю (хотя меня никто не спрашивал). Социальное – это коллективная способность представлять связанных субъектов как временный союз. Сила и важность того, что потенциально может значить общение со многими, многими же и ощущается.

Хайдеггеровское «мы не зовем, нас зовут» здесь работает вхолостую ³⁶. В сети боты контактируют с тобой напрямую,

³⁶ См.: *Ronell A. The Telephone Book*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1989, начиная со с. 2: «Вы говорите „да“ почти автоматически, спонтанно, иногда необратимо. То, что вы подняли трубку, означает, что звонок прошел. Это значит и кое-что еще: вы его бенефициар, поднимающийся с места, чтобы удовлетворить спрос, чтобы вернуть долг. Вы не знаете, ни кто звонит, ни для чего вас вызывают, и тем не менее вы предоставляете свое ухо, отвлекаетесь от чего-то, получаете указания». Исторический кейс в данном случае – телефонный звонок Хайдеггеру из штаба Штурмовых отрядов (с. 6). Как считал сам Хайдеггер, его отношения с национал-социализмом начались с этого звонка. Ронелл пытается

обновления статусов других людей, актуальные или нет, пролетают мимо и пробиваются через фильтр, как бы ты его ни настраивал. В Facebook невозможно быть отшельником. Ты получаешь запросы на добавления в «друзья» без всякого смысла. Для пассивного получателя нарушение работы фильтра большое событие. Как только ты оказался внутри бурлящего потока социальных медиа, Зов Бытия исходит от софта и приглашает тебя ответить. Здесь пафосному и расслабленному постмодернистскому безразличию как квази-подрывному типу поведения приходит конец. Потому что плевать на все тут так же бессмысленно, как и не плевать. Мы все равно не друзья. За нас так решили алгоритмы. Так зачем оставаться в Facebook? Забудьте Twitter. Удалите WhatsApp. Это сильные заявления, но они устарели. Мы уже не в 1990-х. Никто не может занять тупую позицию суверена и оставаться равнодушным по отношению к социальному. «Молчание масс», о котором говорил Бодрийяр, само по себе кажется странной утопией. Социальные медиа были ловким ходом, который заставил людей трещать без умолку. Нельзя забывать об аддиктивной стороне социальных медиа. Нас всех перезапустили. Непристойность банальных мнений и повседневная проституция на подробностях нашей личной жизни сегодня надежно встроены в софт и вовлекают милли-

доказать, что Хайдеггер попадает в ловушку: «Я хочу отследить ловушку до одного конкретного дня, одного события. Я собираюсь принять один и тот же звонок несколько раз, а затем попробую двинуться дальше» (с. 16).

арды пользователей, которые не знают, как соскочить. Есть ли способ выйти из социального так, чтобы этого никто не заметил?

Пример такого выхода, который Бодрийяр приводил раньше, – опрос общественного мнения, подрывающий аутентичное существование социального. Таким образом, Бодрийяр подменил печальный взгляд на массы как на отчужденную сущность ироническим и сфокусированным на объекте. Сегодня, на тридцать лет глубже в эпоху медиа, даже это видение стало интериоризированным. В эпоху Facebook опросы постоянно фиксируют наши предпочтения даже без прямого участия пользователей с помощью тщательно спрограммированного дата-майнинга. Эти алгоритмические подсчеты постоянно происходят где-то на заднем плане и записывают все: отдельные клики, ключевые слова и даже прикосновения к клавиатуре. Для Бодрийяра это «позитивное всасывание в прозрачность компьютера»³⁷ – хуже, чем отчуждение. Общество превратилось в базу данных пользователей. «Злому гению социального» не остается никаких возможностей для самовыражения, кроме как вернуться обратно на улицы и площади, где его отслеживает и направляет множество точек зрения, производимое нашими твитящими смартфонами и все записывающими цифровыми камерами. У «субъекта как пользователя» вариантов

³⁷ См.: Baudrillard J. The Masses: the Implosion of the Social in the Media // J. Baudrillard. Selected Writings. Stanford University Press, 2002. P. 210.

еще меньше: ты можешь вставить то, что кажется речью, в окошко для комментариев или оставаться луркером, случайным наблюдателем, тогда как человек с по каким-то причинам девиантным поведением называется троллем. Во многом так же, как Бодрийяр реинтерпретировал данные опросов общественного мнения как незаметную месть простых людей политической системе и системе медиа, нам нужно сегодня поставить под вопрос объективную истину, которую производят операции с большими социальными данными, осуществляемые «стеками» (термин для Microsoft, Google, Apple и Facebook, предложенный в 2012 году Брюсом Стерлингом³⁸). Пользователям, окруженным огромным количеством фейковых и неактивных аккаунтов, помогает армия ответственных и трудолюбивых ботов. Значительное количество трафика производится взаимодействиями между самими серверами, без какого-либо участия пользователей. Это то, с чем объектно-ориентированной философии еще придется поработать, – критика бесполезной и пустой кон-

³⁸ См.: www.theatlantic.com/technology/archive/2012/12/bruce-sterling-on-why-it-stopped-making-sense-to-talk-about-the-internet-in-2012/266674 Стерлинг писал: «В 2012 году все меньше смысла остается в разговорах об „интернете“, „компьютерном бизнесе“, „телефонах“, „Силиконовой Долине“ или „медиа“, и все больше смысла приобретает прицельное изучение Google, Apple, Facebook, Amazon и Microsoft. Эта пятерка огромных американских вертикально организованных хранилищ трансформирует мир по своему образу и подобию. Если вы Nokia, или HP или японский производитель электроники, они крадут весь ваш кислород. Много всего еще произойдет между этими пятью гигантами в 2013. Они никогда не соревнуются лицом к лицу, но все они зачарованы „подрывом“».

тингентности ³⁹.

Система социальных медиа больше не «погружает нас в состояние ступора», как Бодрийяр описывал опыт восприятия медиа десятилетия назад. Вместо этого она указывает нам путь к более крутым приложениям и другим продуктам, которые элегантно заставляют нас забыть вкус вчерашнего дня. Мы просто кликаем, нажимаем и смахиваем с экрана, прежде чем закрыть программу вовсе и найти что-то другое, к чему можно подключиться и забыться. Онлайн-сервисы вскоре оказываются заброшены, в течение пары недель мы уже забываем иконку, закладку или пароль. Нам не нужно бунтовать против новых медиа эпохи веб 2.0 и покидать их в знак протеста против навязчивой политики конфиденциальности. Мы обычно покидаем их с уверенностью, зная, что они останутся где-то там, в сети, как старые добрые сделанные на HTML города-призраки из девяностых, создающие парадоксы вечного возвращения.

Бодрийяр описал начало такой ситуации для эры старых медиа: «Это наша судьба: будучи подчинены опросам общественного мнения, информации, публичности, статистике; постоянно сталкиваясь со статистически прогнозируемой верификацией нашего поведения, и поглощенные неизмен-

³⁹ Большая часть интернет-трафика за 2014 год была сгенерирована ботами, согласно докладу Incapsula's Bot Traffic Report 2014. В этом году 56 % трафика всех вебсайтов обеспечили боты, 29 % которых были охарактеризованы как «плохие», а оставшиеся 27 % – как «хорошие». См.: www.scmagazine.com/bot-traffic-overall-decreased-from-2013-incapsula-report-says/article/390564

ным преломлением каждого нашего движения, мы больше не различаем свою собственную волю». Он рассматривал движение в сторону непристойности, которую создает постоянная демонстрация чьих-либо предпочтений (в нашем случае на платформах социальных медиа). По его мнению, началось «переполнение социального», «бесперывный вуайеризм группы по отношению к самой себе: она должна всегда знать, чего хочет. За счет этого самоинформирования и постоянной самоинтоксикации, социальное становится зачаровано самим собой»⁴⁰.

Разница между восьмидесятыми, когда Бодрийяр развивал эти ранние тезисы, и сегодняшним днем в том, что все аспекты жизни оказываются подчинены логике соцпросов. У нас не просто есть свое мнение по поводу каждого возможного события, идеи или продукта; эти неформальные суждения еще и интересны базам данных и поисковикам. Люди по собственной инициативе разговаривают о продуктах – им больше не нужен толчок со стороны. Twitter охватывает целый спектр незакодированной жизни, задавая вопрос «Что нового?» Каждый малейший проблеск информации, произведенный онлайн-сообществом, потенциально актуален, его готовы объявить «вирусным» или «в тренде», из него обязательно извлекут данные о пользователе и сохранят – чтобы в архиве сопоставить с другими данными. Записывающие

⁴⁰ См.: Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.

устройства совершенно равнодушны к содержанию разговоров – кому какое дело, что ты там говоришь? В конце концов, это все – лишь данные, которые в итоге становятся их данными, готовыми к извлечению, комбинации с другими данными и продаже: «Виктор, ты еще жив?»⁴¹ Здесь нет места участию, воспоминанию или забвению. Мы передаем лишь робкие сигналы того, что мы все еще живы.

Деконструкционистский взгляд на социальные медиа не должен заниматься перепрочтением дискурса о дружбе («от Сократа до Facebook») или детально анализировать Онлайн-Я. Концепт «интерпассивности» также может привести лишь на мысль об отключениях и тайм-аутах («забронируй свой офлайн-тур прямо сейчас»), но все эти критические подходы ожидаемо исчерпали свой потенциал. Вместо них нам нужны смелые инициативы «Кибернетики 2.0», продолжающей линию оригинальных конференций Мэйси (1946–1953), на которых впервые обсуждалась кибернетика как наука. Это позволит нам исследовать культурную логику социальных медиа, заново утвердить саморефлексивность кода и задаться вопросом о том, какие архитектуры софта могли бы радикально изменить и реорганизовать наш социальный опыт онлайн. Нам нужен вклад со стороны критических гуманитарных наук (Critical Humanities) и социальных

⁴¹ Присказка Профессора Профессора, баварского персонажа, который говорит по-английски с сильным немецким акцентом в мультсериале «The Secret Show» производства «Би-би-си», 2007.

наук, которые позволяют начать равный диалог с компьютерными науками. Способны ли на такие проекты наподобие Software Studies? Время покажет. Digital Humanities с их односторонним уклоном в сторону визуализации данных, с компьютерно-безграмотными исследователями в роли невинных жертв, пока что продемонстрировали слабый старт. Нам нужно не больше инструментов для малограмотных, а новое поколение гуманитариев с развитыми техническими навыками. Требуются исследовательские программы, которые помещают в центр критическую теорию и культурологию и осуществляются под руководством программистов-теоретиков, философов и арт-критиков, идущих дальше вопросов живописи и кино. Параллельно стоит положить конец заискивающему отношению искусств и гуманитарных наук к точным наукам и индустрии. Гуманитарные науки не должны по-мазохистски подчинять себя цифровому режиму. Нам нужна мощная контратака. Но ее не случится, если мы продолжим смотреть в другую сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.